

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 277

27 ноября 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. (доверенность от ... года № ...), адвоката М., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от ... года № ... (вх. № ... от ...) о прекращении статуса адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы ... года вынесла заключение о нарушении адвокатом М. взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), выразившемся в совершении действий (явка в судебное заседание ... года в целях представления интересов «Движения Т.» в отсутствие

предусмотренных законом правовых оснований для оказания юридической помощи, предъявление в судебном заседании ... года удостоверения адвоката и представление ордера № ... от ... года, содержащего недостоверные сведения о наличии оснований для его выдачи), направленных на вступление ... года в рассматриваемое Верховным Судом Российской Федерации административное дело № ... в качестве представителя «Движения Т.» в отсутствие предусмотренных законом оснований в личных интересах, а именно с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась, поддержала позицию о прекращении статуса адвоката М. в связи с грубым характером нарушения, несовместимым, по мнению заявителя, с принадлежностью к адвокатуре. Отвечая на вопросы членов Совета, уточнила, что Главным управлением действительно выдвигалось дисциплинарное обвинение в том, что при вступлении в дело адвокат М. руководствовался личными целями.

Адвокат М. подал письменные возражения на заключение Квалификационной комиссии с приложением различных документов (вх. № ... от ...), из которых следует, что он с заключением не согласен. Считает, что дисциплинарное разбирательство носило инквизиционный характер, был нарушен принцип состязательности, Комиссия вышла за рамки выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений, при этом презумпция его добросовестности не была опровергнута.

В дополнение к ранее изложенным им в ходе дисциплинарного разбирательства доводам адвокат М. указал, что до сих пор находится в постоянном контакте с должностными лицами посольства Исламского Эмирата А. в Москве, и они одобряют его деятельность. В подтверждение этого приложил к возражениям фрагменты своей переписки с консулом посольства А. Х., а также копию запроса на имя директора Второго департамента Азии МИД РФ П.

Адвокат М. подчеркивает, что никогда и нигде не заявлял о наличии у него соглашения непосредственно с Движением «Т.», при этом считает не обоснованным на законе довод представления о том, что запрет деятельности Движения «Т.» влечет запрет на судебную защиту его интересов, тем более, когда судом рассматривается вопрос о приостановлении действия запрета деятельности этого Движения. Полагает, что заключить соглашение непосредственно с Движением «Т.» было невозможно, поскольку это движение никак организационно не оформлено, не обладает правами юридического лица ни в Российской Федерации, ни где-либо еще в мире. Поэтому считает, что в апреле 2025 года только через посольство Исламского Эмирата А. возможна была какая-либо коммуникация с Движением «Т.». В подтверждение этого довода указывает, что в подготовительной части судебного процесса ... года председательствующий спросил представителей

Министерства иностранных дел Российской Федерации, известно ли им о направлении Движением «Т.» каких-либо представителей, на что был получен ответ: «Мы контактируем с посольством Исламского Эмирата А., и нам ничего об этом неизвестно». В этой связи считает, что процесс в Верховном Суде Российской Федерации ... года представлял собой некий юридический парадокс, аналогичный парадоксальным процессам по осуждению и запрету в Российской Федерации т.н. «АУЕ», «ЛГБТ» и «сатанизма» как международных экстремистских объединений. Полагает, что на него не может быть возложена ответственность за возникновение данного парадокса, при этом всех, кого можно судить, можно и защищать, в том числе и Движение «Т.».

Утверждает, что заключенное им соглашение от ... года № ... [*Далее «Соглашение» – Примечание Совета*] в пользу третьего лица было реальным, а вывод Квалификационной комиссии об обратном неверен. При этом указывает, что им было представлено в Верховный Суд Российской Федерации два ордера: при подаче заявления об ознакомлении с материалами дела – Ордер № ..., оформленный ... года, и непосредственно в судебном заседании Ордер № ..., оформленный им ... года. Это обстоятельство Комиссией не учтено. Считает, что имел право публично позиционировать себя в качестве адвоката Движения «Т.», поскольку все необходимые правовые основания для оказания им юридической помощи Движению «Т.» на ... года имелись. В то же время, обращает внимание на то, что позиционирование в указанных в представлении публикациях адвоката М. как адвоката Движения «Т.» или «адвоката и представителя талибов» сделано самими авторами публикаций, а не им. Это обстоятельство не свидетельствует о том, что он так им представлялся.

Мотив просьбы об оказании юридической помощи Движению «Т.», с которой к нему обратилась М., заключался в том, что российско-афганские деловые круги, с которыми она связана, заинтересованы в нормальном установлении добрососедских отношений между народами России и А..

Высказывает убеждение в том, что ... года процесс в Верховном Суде Российской Федерации был на пользу как Российской Федерации, так и народу А., Движению «Т.», поскольку он запустил юридический механизм нормализации отношений, что, в свою очередь, способствует развитию сотрудничества в различных сферах общественной жизни. Поэтому действия адвоката М. были направлены на достижение общепользующей цели.

По этим причинам адвокат М. просит в привлечении его к дисциплинарной ответственности отказать.

В заседании Совета адвокат М. подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился, поддержал доводы своих письменных возражений, в том числе о выходе Комиссии за пределы выдвинутых в представлении дисциплинарных обвинений, о мотивации М. при обращении к нему за оказанием юридической помощи Движению «Т.», о своих контактах накануне заседания в Верховном Суде Российской Федерации и до

настоящего времени с сотрудником посольства И. Республики А.. При этом до настоящего времени Движение «Т.» не высказало отрицательного отношения к его попыткам участвовать в судебном процессе. Иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по мнению адвоката М., составлен не совсем корректно, а сам он руководствовался мотивом достижения общепользовательных целей и не нуждался в дополнительном привлечении внимания СМИ к своей персоне, тем более что защита талибов вряд ли создавала бы для него положительный имидж. В глазах обывателей он столкнулся, скорее, с осуждением. Сожалеет, что не обратился за разъяснением в Совет Адвокатской палаты города Москвы о том, как поступить в этой сложной этической ситуации, однако, очевидно, что получить ответ за сутки до судебного заседания было бы невозможно.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что М. высказала категорическое требование, чтобы соглашение с ней было безвозмездным, поскольку она опасалась обвинений в финансировании террористической деятельности. Уже потом адвокату М. стало известно, что М. находится в процедуре банкротства. Дело было для него интересным, ранее он занимался афганской тематикой, и поэтому согласился с этим требованием и заключил соглашение без оплаты. Адвокат М. считает, что М. руководствовалась законным интересом и имела право заключить с ним соглашение в пользу третьего лица при условии его согласия на это.

На вопрос о том, что он имеет в виду под согласием Посольства И. Республики А. в лице кого-то из сотрудников на участие в судебном процессе в Верховном Суде Российской Федерации, которое ему было выражено, пояснил, что ... года у него был телефонный разговор длительностью более 6 минут с сотрудником посольства по имени В., который сказал, что принимает к сведению информацию от адвоката М. о заключении соглашения и возражений против этого нет. Но ясно выраженного, в том числе письменного, подтверждения согласия Движения «Т.» на оказание ему юридической помощи в Верховном Суде Российской Федерации, а также достоверных сведений о позиции этого движения по делу у него не было, и получить их за сутки до процесса было невозможно. Он никогда не утверждал, что ему дали согласие на представление интересов Движения «Т.», но считает, что это было выражено в конклюдентной форме.

На вопрос о том, в чем конкретно заключалось его участие в судебном заседании Верховного Суда Российской Федерации, пояснил, что в подготовительной части судебного заседания устанавливалась явка участников. Председательствующий судья Н. спросил, на основании чего он действует, с кем заключено соглашение, он в ответ сослался на адвокатскую тайну, после чего представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопрос председательствующего сообщил, что по всем вопросам, касающимся Движения «Т.», они контактируют с Посольством А.. С Движением «Т.» они непосредственно не коммуницируют, и им ничего неизвестно о том, что оно собиралось кого-либо направить в процесс. После этого председательствующий судья предложил адвокату М. удалиться, и

процесс продолжился без его участия. Вопреки доводам представления, у него действительно было намерение представлять интересы Движения «Т.», и если бы суд его допустил к участию в процессе, первым делом он просил бы предоставить возможность ознакомиться с материалами дела и сформировать позицию. Ему в целом было понятно, о чем нужно говорить, так как решение о приостановлении действия запрета деятельности Движения «Т.» является половинчатым, а следовательно – не снимает проблем во взаимодействии российских и афганских предпринимателей.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно и полностью установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

На ... года Верховным Судом Российской Федерации было назначено рассмотрение имевшего гриф «секретно» административного дела № ... по административному исковому заявлению Генерального прокурора Российской Федерации о приостановлении запрета деятельности Движения «Т.», включенного ранее в единый федеральный список организаций, признанных террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Перед началом судебного заседания в Верховный Суд Российской Федерации поступило письменное заявление адвоката М. от ... года о предоставлении ему возможности ознакомления с материалами дела, к которому был приложен его Ордер от ... года № В тот же день адвокат М. явился в судебное заседание по указанному делу, представив удостоверение адвоката и Ордер № ..., выданный Московской коллегией адвокатов «П.» на «защиту интересов «Движения Т.» в ВС РФ по делу ... с ..., в котором в качестве основания его выдачи указано: «...».

По результатам проверки председательствующим судьей Н. полномочий адвоката М. последний не был допущен к участию в рассмотрении дела. В результате судебного разбирательства в тот же день вышеуказанное административное исковое заявление было удовлетворено.

... года в Адвокатскую палату города Москвы поступило представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от ... года № ... о прекращении статуса адвоката М. по следующим основаниям: он в Верховном Суде Российской Федерации заявил о наличии у него соглашения с Движением «Т.», признанным в Российской Федерации террористической организацией. Однако сведения о наличии у адвоката М. полномочий на представление интересов Движения «Т.» подтверждения не нашли, в связи с чем адвокат М. не был допущен судом к участию в деле. По мнению автора представления, адвокат М. не вправе вступать в договорные отношения с Движением «Т.» и представлять в суд ордер с недостоверной информацией на его защиту, так как на момент

выдачи указанного ордера деятельность Движения «Т.» была запрещена. В нарушение пункта 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации ... года (протокол № 8) строки: «Поручается» и «Основание выдачи ордера» заполнены адвокатом М. в ордере от ... года № ... без заключения соглашения с доверителем. Представив в суд ордер, содержащий недостоверные сведения о наличии полномочий на защиту Движения «Т.» на основании заключенного с ним соглашения об оказании юридической помощи, адвокат М. проявил явное неуважение к суду.

Кроме того, после недопуска адвоката М. к участию в судебном заседании Верховного Суда Российской Федерации по указанному делу, ... года в ... час. в телеграмм-канале «S.» (1.288.728 подписчиков, зарегистрирован Роскомнадзором) опубликовано видео-интервью, где адвокат М. представлялся журналистам как «адвокат и представитель талибов». Он публично прокомментировал обстоятельства данного дела, рассматривавшегося в закрытом судебном заседании, в котором не принимал участие, и распространил недостоверную информацию о том, что является адвокатом Движения «Т.» и представлял его интересы в судебном процессе. Информация, что адвокат М. якобы является адвокатом Движения «Т.» и представлял его интересы в суде, его публичные комментарии обстоятельств дела, рассматривавшегося в закрытом судебном заседании, в котором он не принимал участие, также имеются на интернет-сайтах: В., Л., Г., В., Н.

Автор представления считает, что данные действия адвоката М. могут свидетельствовать о нарушении пунктов 2.2.2, 2.2.3, 2.3.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 (протокол № 7): не допускается публичное комментирование адвокатами обстоятельств уголовных дел, в которых они не участвуют; при комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства; любые заявления адвоката в сети «Интернет» должны быть ответственными, достоверными и не вводить в заблуждение. Кроме того, М., представляясь адвокатом Движения «Т.», вводит суд и общественность в заблуждение, подрывая доверие к себе и адвокатуре, что в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката недопустимо для адвоката.

Таким образом, по мнению автора представления, действия адвоката М. свидетельствуют о нарушении подпунктов 1, 4 пункта 1 статьи 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пункта 2 статьи 5, пункта 1 статьи 8, части 1 статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, пункта 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров, приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 года № 283, пунктов 2.2.2, 2.2.3, 2.3.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных решением Совета Федеральной палаты

адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7); Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 года (протокол № 14).

Последовательно отрицая все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения, адвокат М. представил в материалы дисциплинарного производства Соглашение, заключенное между ним и доверителем М. и зарегистрированное в документации Московской коллегии адвокатов «П.» за № ... от ... года. В качестве предмета поручения в нем указано: «Защита интересов «Движения Т.»» (п. 1) и «Участие в судебном заседании ВС РФ по делу ...» (п. 2). При этом п. 3 Соглашения содержит указание на то, что юридическая помощь оказывается «безвозмездно». Адвокат М. дал приведенные выше пояснения о мотивах заинтересованности М. в заключении указанного соглашения об оказании юридической помощи Движению «Т.», а также представил видеозапись, на которой М. подтверждает все эти обстоятельства.

Однако Квалификационная комиссия не признала доказанным факт заключения данного Соглашения на момент представления адвокатом М. в Верховный Суд Российской Федерации Ордера от ... года №... с целью вступления в вышеуказанное административное дело в качестве представителя Движения «Т.». Этот свой вывод Комиссия обосновала следующими доводами: указанная в ордере дата принятия поручения не соответствует условиям якобы заключенного адвокатом М. Соглашения; нарушен порядок заполнения ордера; в обращениях адвоката М. в посольство А. не сообщаются реквизиты Соглашения и не содержится каких-либо утверждений о самом факте его заключения; имеются разночтения в пояснениях адвоката М. о времени подписания Соглашения; условие об оказании юридической помощи «безвозмездно» включено в текст Соглашения, чтобы скрыть факт его незаключения в указанный адвокатом момент; объяснения М. не содержат в явном виде сведений о законном интересе в заключении Соглашения для оказания юридической помощи Движению «Т.». При этом явка М. в заседание Комиссии адвокатом М. не была обеспечена даже посредством видео-конференц-связи.

Не признав по указанным причинам факт наличия заключенного Соглашения, предусматривающего оказание юридической помощи Движению «Т.», на момент представления адвокатом М. ... года в Верховный Суд Российской Федерации удостоверения адвоката и Ордера от ... года № ..., Квалификационная комиссия пришла к выводу и об отсутствии у него правовых оснований для оказания юридической помощи указанному доверителю в судебном заседании Верховного Суда Российской Федерации по указанному делу. Таким образом, по мнению Квалификационной комиссии, адвокат М., явившись ... года в судебное заседание для

представления интересов Движения «Т.» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований и предъявив ордер, содержащий недостоверные сведения о наличии оснований для его выдачи, нарушил предписания пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия также указала на отсутствие, по ее мнению, законного интереса М. в оказании юридической помощи Движению «Т.» и на отсутствие сведений о каком-либо уполномоченном Движением «Т.» лице, давшем согласие на оказание этому Движению какой-либо юридической помощи. Информирование адвокатом М. иных лиц о планируемом им оказании юридической помощи Движению «Т.», в сочетании с изготовлением Соглашения и прочими действиями адвоката М., на которые он ссылается как на доказательства формализации отношений с доверителями (М. и Движением «Т.»), Квалификационная комиссия расценила как имитацию наличия не существующего в действительности правового основания для оказания правовой помощи Движению «Т.». Более того, Комиссия пришла к выводу о том, что такое недопустимое поведение адвоката М. было направлено не на оказание Движению «Т.» какой-либо конкретной юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя этого Движения с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации. Сославшись на указанные выше комментарии адвоката М. Telegram-каналу S. и различным средствам массовой информации, опубликованные в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где он был представлен как «адвокат и представитель талибов», Комиссия указала, что адвокат М. в силу установленных обстоятельств не мог не понимать, что правовые основания для оказания им юридической помощи Движению «Т.» фактически отсутствуют, и использовал свои статусные полномочия исключительно в личных интересах.

По мнению Квалификационной комиссии, вводя суд, средства массовой информации и общественность в заблуждение относительно наличия у него правовых оснований для оказания юридической помощи и полномочий на представление интересов Движения «Т.» и используя статусные полномочия не для оказания юридической помощи, а лишь для публичного позиционирования себя в этом качестве в личных интересах, а именно с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации, адвокат М. совершил действия, направленные к подрыву доверия к нему и к адвокатуре, тем самым нарушив требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, оценивая приведенные выводы Квалификационной комиссии во взаимосвязи с установленными ею обстоятельствами и материалами дисциплинарного дела, включая доводы представления и пояснения адвоката М., отмечает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не

имеют целью своей деятельности дисциплинарное преследование членов корпорации. В соответствии с п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство призвано обеспечить объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений и обращений в отношении адвокатов. Во исполнение этих требований дисциплинарным органам адвокатского самоуправления при осуществлении дисциплинарного разбирательства, носящего публично-правовой характер, надлежит исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Именно заявитель в соответствии с пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката должен привести и доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. При этом разбирательство дисциплинарного дела осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении или обращении; изменение предмета и (или) основания жалобы не допускается (п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Основываясь на этих основополагающих требованиях к осуществлению дисциплинарного разбирательства, Совет в первую очередь полагает необходимым дать оценку доводу заявителя об отсутствии у адвоката М. правовых оснований и полномочий на представление интересов Движения «Т.» и, как следствие, о представлении им ложных сведений о заключении с этим движением соглашения об оказании правовой помощи. Так, согласно представлению (с. 2), «адвокат М. не вправе вступать в договорные отношения с ДТ, представлять ордер с недостоверной информацией на защиту ДТ, **так как на дату выдачи указанного ордера деятельность ДТ была запрещена [Выделено Советом]**». Довод о введении адвокатом М. Верховного Суда Российской Федерации в заблуждение относительно своих полномочий обосновывается заявителем «представлением ложных сведений о наличии заключенного соглашения с организацией, признанной в Российской Федерации террористической» (с. 3).

Совет не может согласиться с такой позицией, поскольку гарантированное ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи является универсальным и не содержит никаких исключений, в том числе и в части оказания такой помощи организациям, включенным в целях соблюдения государственной безопасности в тот или иной реестр, список или перечень. При этом действие статьи 48 Конституции Российской Федерации не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, в том числе в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации). Не содержит каких-либо изъятий в части субъектов получения юридической помощи и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определяющий адвокатскую деятельность как квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката,

физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1). По этим причинам Совет отклоняет довод заявителя о том, что адвокат М. был не вправе оказывать юридическую помощь Движению «Т.» и заключать соглашение об этом, поскольку деятельность этого Движения была запрещена.

Оценивая вывод Квалификационной комиссии об отсутствии у адвоката М. права представлять интересы Движения «Т.» ввиду отсутствия соответствующего соглашения об оказании ему юридической помощи на момент представления Верховному Суду Российской Федерации ордера для вступления в дело, Совет приходит к выводу о его необоснованности и ошибочности по следующим причинам.

Как указано выше, адвокат М. представил в материалы дисциплинарного производства Соглашение с доверителем М. на оказание правовой помощи Движению «Т.», а также пояснения последней (в том числе и в форме видеозаписи) относительно причин и обстоятельств заключения этого Соглашения. Объяснения М. о мотивации своих действий понятны, последовательны, непротиворечивы и не содержат каких-либо сведений, позволяющих подвергнуть сомнению наличие у нее законного (в ее собственном понимании и с учетом ее собственных приоритетов) интереса в оказании адвокатом М. юридической помощи Движению «Т.». Проявленные ею цели оказания юридической помощи Движению «Т.» не противоречат действующему российскому законодательству. С учетом этого неявка М. в заседание Квалификационной комиссии для дачи пояснений не может являться доказательством ее недобросовестности, опровергающим ее пояснения об обстоятельствах (в том числе моменте) заключения соглашения с адвокатом М., которые полностью согласуются и с пояснениями последнего. Таким образом, пояснения М. и адвоката М. о заключении ими ... года Соглашения об оказании правовой помощи Движению «Т.» в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнуты. Достоверность даты заключения этого Соглашения – ... года подтверждается пояснениями сторон Соглашения и также не опровергается ни по отдельности, ни в совокупности приведенными выше обстоятельствами, на которые сослалась Квалификационная комиссия.

Не меняет этого вывода и условие Соглашения об оказании юридической помощи безвозмездно, не противоречащее требованиям законодательства и профессиональной этики. При этом адвокат М. дал убедительные и непротиворечивые пояснения о причинах такого условия, которые ничем не опровергнуты.

Не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и выдвинутое против адвоката М. дисциплинарное обвинение в том, что он «представлялся журналистам как “адвокат и представитель талибов”». Такая формулировка со всей очевидностью означает утверждение об активных действиях адвоката М., выразившихся в таком самопозиционировании перед журналистами. Однако ни в одном из

представленных заявителем материалов, в которых содержатся интервью и комментарии М., он не заявляет от своего имени, что представляет интересы талибов. Эти утверждения содержатся во вступлениях соответствующих публикаций, авторство которых принадлежит не адвокату М., а соответствующим журналистам или редакции. Адвокат М. пояснил, что никогда не представлялся журналистам как адвокат или представитель Движения «Т.» и не может отвечать за то, как он был воспринят сотрудниками средств массовой информации. При этом Совет отмечает, что М. действительно позиционировал себя как адвокат или представитель Движения «Т.» на страницах интернет-сайтов «П.и Московской коллегии адвокатов «П.», однако эти источники информации в представлении заявителя не указаны и поэтому не могут являться поводом для обоснования дисциплинарного обвинения.

Таким образом, Совет, вопреки доводам представления и заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибки в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в совершении адвокатом М. действий, направленных на вступление в указанное дело в Верховном Суде Российской Федерации в качестве представителя Движения «Т.» в отсутствие правовых оснований для этого в виде соглашения об оказании юридической помощи, а также во введении в заблуждение Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу и в публичном распространении недостоверной информации о том, что он представляет интересы Движения «Т.», вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

Вместе с тем, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом М. не была исполнена профессиональная обязанность по получению согласия лица, которому он намеревался оказывать юридическую помощь в соответствии с заключенным с М. соглашением, и по согласованию с этим лицом позиции по делу. В сложившейся ситуации адвокат М. в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката был обязан руководствоваться Разъяснениями Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения (Утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 года, протокол № 14) и применимым к рассматриваемым правоотношениям Разъяснением № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании

юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года, Протокол № 8). Этими обязательными разъяснениями адвокатам предписывается действовать с достаточной степенью осмотрительности и указывается, что по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к исполнению этой обязанности, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Такое согласие может быть получено и в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой, и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту. Неисполнение (ненадлежащее исполнение) адвокатом указанных обязанностей должно становиться основанием для реагирования органов адвокатского самоуправления, в том числе, при наличии оснований, для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Совет учитывает представленные адвокатом М. подтверждения его обращения в посольство И. Республики А. за получением согласия на оказание правовой помощи Движению «Т.» в сочетании с имеющейся в открытом доступе информацией о том, что в ... году Министерство иностранных дел Российской Федерации аккредитовало дипломата, непосредственно представляющего талибов (см.: <https://ria.ru/20220331/akkreditatsiya-1780991138.html> и др.). Однако ни из пояснений адвоката М., ни из представленных им документов не усматривается наличие ни явно выраженного согласия Движения «Т.» на представление адвокатом М. его интересов в Верховном Суде Российской Федерации ... года, ни согласования позиции по делу с доверителем. Ссылка адвоката М. на телефонный разговор с сотрудником посольства А. «по имени В.» также не свидетельствует ни о получении такого согласия (в том числе и в конклюдентной форме), ни о том, что указанный сотрудник был уполномочен дать его.

По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и не основанный на указанные выше обязательных нормативных требованиях довод адвоката М., приведенный в его письменных возражениях на заключение Квалификационной комиссии, о том, что он предпринял «все возможные усилия для того, чтобы получить согласие назначенного лица», после чего «имел полное право позиционировать себя в качестве адвоката

движения «Т.», <...> поскольку все необходимые правовые основания для оказания мною юридической помощи «Движению Т.» на 17 апреля 2025 года фактически присутствовали».

Совет в этой связи обращает внимание на то, что сам адвокат М. в заседании Совета пояснил, что доверитель М. имела полное право заключить с ним соглашение в пользу третьего лица при условии, что третье лицо против этого не возражает, а также признал, что не получил в какой-либо явной форме согласия Движения «Т.» на оказание последнему юридической помощи по указанному делу. Кроме того, адвокат М. приложил к своим письменным возражениям распечатку переписки с первым секретарем Посольства А. в Москве Х., в которой адвокат М. сам указывает на наличие «конкретных правовых предложений», для реализации которых ему необходимы «полномочия, соглашение, доверенность на представление интересов».

При рассматриваемых обстоятельствах, когда адвокатом М. не было получено и зафиксировано ясно выраженное согласие доверителя – получателя юридической помощи на оказание ему такой помощи и не была согласована позиция по делу, он был не вправе вступать в дело и принимать участие в заседании Верховного Суда Российской Федерации в качестве представителя Движения «Т.», несмотря на наличие заключенного с М. соглашения об этом.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. При этом согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ обязательным условием договора в пользу третьего лица является выражение третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору.

Именно эти требования законодательства к профессиональному поведению адвоката детализированы в приведенных выше Разъяснениях Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Таким образом, адвокат М., явившись ... года в судебное заседание Верховного Суда РФ в целях представления интересов Движения «Т.» в качестве представителя Движения «Т.» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований в виде явно выраженного согласия доверителя на получение юридической помощи и без согласования с ним позиции по делу, нарушил предписания ст. 7 и 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Данной квалификацией дисциплинарного нарушения охватывается представление адвокатом М. Верховному Суду Российской Федерации ордера. При этом Совет, учитывая установленный факт наличия заключенного адвокатом М. соглашения с М., не может согласиться с дисциплинарным обвинением в том, что адвокат М. указанными действиями проявил явное неуважение к суду и ввел суд в заблуждение относительно своих полномочий, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства не установлено совершение адвокатом М. умышленно или по грубой неосторожности каких-либо действий, направленных на проявление неуважения к суду и введение его в заблуждение. При этом сам Верховный Суд Российской Федерации в рамках своей процессуальной компетенции проверил полномочия адвоката М. и отказал ему в допуске для участия в деле, не высказав каких-либо претензий к его поведению.

Не усматривает Совет при установленных Квалификационной комиссией обстоятельствах и оснований для выводов о том, что адвокат М. использовал свои полномочия адвоката в личных целях, а также о том, что «недопустимое поведение адвоката М. было направлено не на оказание «Движению Т.» какой-либо конкретной юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя «Движения Т.» с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации». Эти выводы Комиссии не подтверждены доказательствами, носят предположительный характер и в силу этого не могут являться основаниями для его привлечения к дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарное обвинение в совершении адвокатом М. действий, направленных к подрыву доверия к нему и адвокатуре, Совет также признает необоснованным. Совет в этой связи вновь отмечает, что ни от кого из участников судебного разбирательства (Верховный Суд Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации), а также от доверителей адвоката М. и от посольства И. Республики А. никаких жалоб или претензий в адрес адвоката М. не поступало. При таких обстоятельствах признанное Советом в действиях адвоката М. дисциплинарное нарушение, совершенное им в результате неправильной оценки ситуации в условиях жесткого дефицита времени, не может быть признано действиями, способными подорвать доверие к нему или адвокатуре.

По этим причинам Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в совершении адвокатом М. при описанных обстоятельствах действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, а также в том, что действия адвоката М. были направлены не на оказание Движению «Т.» юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя Движения «Т.» с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет исходит из следующего.

Прежде всего, Совет отмечает, что в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве о прекращении статуса адвоката М., несмотря на название этого документа, не приведены никакие обстоятельства из числа предусмотренных п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в качестве обязательных оснований прекращения статуса адвоката.

Далее Совет принимает во внимание грубый характер допущенного адвокатом М. нарушения, свидетельствующий об игнорировании им требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и общеобязательных разъяснений органов адвокатского самоуправления. Совет также учитывает, что адвокат М. имеет длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, в сложившейся сложной этической ситуации предпринимал меры к её урегулированию, хотя и явно недостаточные. С учетом изложенного, Совет считает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет, с учетом описанного отношения адвоката М. к своему профессиональному поведению, считает необходимым указать ему на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), выразившееся в совершении действий (явка в судебное заседание ... в целях представления интересов Движения «Т.» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований в виде явно выраженного согласия доверителя на получение юридической помощи), направленных на вступление ... года в рассматриваемое Верховным Судом Российской Федерации административное дело № ... в качестве представителя Движения «Т.».

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от ... года № ... (вх. № ... от ...) о прекращении статуса адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков